

Говард Филлипс Лавкрафт

Ньярлатхотеп

(Nyarlathotep)

Ньярлатхотеп... крадущийся хаос... Я единственный, кто уцелел... И я буду говорить в пустоту...

Когда это началось, я точно не помню – во всяком случае, с тех пор минул не один месяц. Весь мир словно застыл в напряженном ожидании чего-то страшного. К повсеместному политическому и общественному брожению добавилось странное и неотвязное ощущение надвигающейся катастрофы – катастрофы глобальной и неотвратимой, подобной тем, что происходят в кошмарных снах. Люди ходили бледные и встревоженные; воздух полнился всевозможными предсказаниями, которые настолько противоречили здравому смыслу, что никто не смел в них поверить. Над планетой тяготело сознание неискупимой вины, а из бездонных межзвездных пространств веяло ледяным холодом, и горе было тому, кто испытывал его на себе, оказавшись в темном безлюдном месте! Смена времен года дала какой-то дьявольский сбой – бабье лето, казалось, длилось уже целую вечность, и создавалось впечатление, что мир, а быть может, и вся Вселенная вышли из подчинения известных людям богов или сил и подпали под власть богов или сил неведомых.

Вот тогда-то и объявился Ньярлатхотеп, выходец из Египта. Говорили, что он представитель старинного рода и выглядит как фараон. Феллахи, завидев его, простирались ниц, хотя и не могли объяснить почему. Сам он утверждал, что восстал из глубины двадцати семи столетий и что до него доходили послания с других планет. Путешествуя по цивилизованным странам, Ньярлатхотеп – смуглый, стройный и неизменно мрачный – приобретал какие-то замысловатые приборы из стекла и металла и мастерил из них другие приборы, еще более замысловатые. Он выступал с речами на научные темы, рассказывал об электричестве и психологии и демонстрировал такие удивительные опыты, что зрители теряли дар речи, а его слава росла с каждым днем. Те, кому случалось побывать на его выступлениях, советовали сходить на них другим, но в голосе их при этом звучала дрожь. Всюду, где бы он ни появлялся, спокойной жизни приходил конец, и предрассветные часы оглашались криками людей, преследуемых кошмарными видениями. Никогда прежде подобные вещи не принимали характер общественного бедствия, и умные люди начали поговаривать о том, что неплохо было бы запретить сон в предутренние часы, дабы истошные вопли несчастных не смущали покой луны, льющей бледный сочувственный свет на зеленые воды городских каналов и ветхие колокольни, вонзенные в тусклое нездоровое небо.

Я хорошо помню, как Ньярлатхотеп появился в нашем городе – в этом огромном, старинном и сумрачном городе, хранящем память о бесчисленных злодеяниях прошлого. Я был немало наслышан о Ньярлатхотеппе от своего приятеля, поведавшего мне о том неизгладимом впечатлении, которое производили на людей его опыты, и горел желанием увидеть их воочию и разоблачить как ловкие трюки. По словам

приятеля, эти опыты превосходили самое смелое воображение, ибо пророчества, проецируемые на экран в зашторенной комнате, были под силу одному лишь Ньярлатхотепу, а его пресловутые искры обладали чудесной способностью вызывать у людей видения, что доселе таились в самой глубине их зрачков и не могли быть извлечены никаким иным способом. Впрочем, мне и раньше доводилось слышать, будто все, кто побывал на сеансах Ньярлатхотепа, получали способность видеть такие вещи, каких не могли видеть другие.

Стоял жаркий осенний вечер, когда среди толпы таких же любопытных я двигался по шумным улицам на встречу с Ньярлатхотепом. Мы прошли через весь город, а потом нескончаемо долго поднимались по ступеням, ведущим в тесный и душный зал. И когда на экране замаячили тени, я различил неясные очертания фигур в капюшонах, собравшихся на фоне древних развалин, и желтые, искаженные злобой лица, выглядывающие из-за обломков каменных сооружений. И еще я увидел мир, одолеваемый мраком, и разрушительные смерчи, нисходящие с запредельных высот, и яростную пляску вихрей вокруг тусклого остывающего солнца. А потом над головами зрителей причудливо затанцевали искры, и у меня волосы встали дыбом при виде тех неведомо откуда взявшихся уродливых теней, что повисли над головами присутствующих. И когда я, самый хладнокровный и рациональный из всех, дрожащим голосом пробормотал что-то насчет «надувательства» и «статического электричества», Ньярлатхотеп приказал нам убираться вон, и, спустившись по головокружительной лестнице, мы выбежали в сырую и жаркую тьму пустынных ночных улиц. Я торжествующе вскричал, что мне было совсем не страшно, и все дружным хором поддержали меня. Мы принялись клятвенно заверять друг друга в том, что город совсем не изменился, что в нем по-прежнему идет жизнь, и при тускнеющем свете уличных фонарей без конца клеймили гнусного шарлатана и смеялись над собственным легковерием.

А потом с нами стало твориться что-то неладное. Думаю, причиной тому послужил болезненный, зеленоватый свет луны, ибо как только погасли фонари, мы произвольно выстроились в своего рода шеренги и принялись двигаться к некоей известной нам цели, о которой не смели не только говорить, но и думать. Мы шли и замечали, что там, где раньше была мостовая, теперь росла трава, а на месте трамвайных рельсов лишь изредка попадалась полоска-другая ржавого металла. Один раз мы наткнулись на трамвай – искореженный, с выбитыми стеклами, запрокинутый набок, и, сколько бы мы ни всматривались вдаль, мы никак не могли понять, куда делась третья по счету башня на берегу реки и почему верхушка второй башни имеет такие неровные очертания. Затем мы разбились на узкие колонны, каждая из которых потянулась в свою сторону. Одна скрылась в переулке налево, откуда потом еще долго доносились отзвуки душераздирающих стонов. Другая спустилась в заросший сорняками вход в метро, огласив ночные улицы смехом, более похожим на вой. Колонна, в которой двигался я, направилась за пределы города, и вскоре мне стало холодно, как зимой. Оглядевшись, мы увидели, что находимся в открытом поле среди снегов, зловеще мерцающих в мертвенном свете луны. Откуда она здесь взялась – эта нетронутая снежная пустыня, простирающаяся во все стороны на необозримое расстояние? Лишь в одном месте снега расступались – там зияла чудовищная пропасть, казавшаяся еще более черной посреди своего ослепительного окружения. Мои спутники, словно завороченные, устремились в эту

пропасть, и только теперь я увидел, насколько малочисленной была наша колонна. Сам я не торопился следовать примеру остальных, ибо эта черная щель среди освещенных зеленоватым светом снегов внушала мне смертельный страх, тем более что оттуда, где скрылись мои товарищи, раздавались жалобные стоны и причитания. Но мои силы были слишком слабы, чтобы противиться неудержимой тяге, увлекавшей меня вниз, и, словно в ответ на призыв тех, кто прежде меня скрылся в этой бездне, я нырнул, трепеща и обмирая от страха, в беспросветную пучину невообразимого ужаса...

О вы, с виду разумные, а на деле безумцы, что прежде считались богами, – только вы можете рассказать все как было!

Слабая, беспомощная тень, корчась от боли, причиняемой железной хваткой неведомых рук, мчится сквозь непроглядную тьму распадающегося на части мироздания мимо мертвых планет с язвами на месте городов. Ледяные вихри задувают тусклые звезды, словно свечи. Бесформенные призраки невообразимых монстров встают над галактиками. За ними теснятся смутные очертания колонн неосвященных храмов, что покоятся на безымянных утесах, а вершинами уходят в пустоту губительного пространства – туда, где кончается царство света и тьмы. И на всем протяжении этого жуткого вселенского кладбища падение сопровождается приглушенным и размеренным, как сердцебиение, барабанным боем и тонкими заунывными причитаниями кошунствующих флейт; и под эти отвратительные дробы и трели, что доносятся из непостижимой беспросветной бездны, лежащей за гранью времен, выделывают свои замедленные, неуклюжие и беспорядочные па гигантские, чудовищные боги, последние боги Вселенной, эти незрячие, немые и бездушные статуи, воплощение которых – Ньярлатхотеп.

*Перевод: Олег Мичковский
2010 год*